

КОНЪНКТУРЩИК

ВОИНСТВО НЕМЁРТВЫХ

18+

Конъюнктурщик
Воинство немертвых

«Автор»

2026

Конъюнктурщик

Воинство немертвых / Конъюнктурщик — «Автор», 2026

С тех пор, как окончилась война с серокожими и демонами прошло десятилетие. Большая часть мира осталась непригодной для жизни, и люди укрылись в крепостях, самой крупной из которых стал город, построенный коалицией магов, и объявленный ими будущей столицей мира. Чтобы расширить своё влияние на весь континент, они создали воинство белых рыцарей, магических воинов. Только они только могут выжить в пустыне, сопротивляясь монстрам, что бродят между крепостями, пожирая все живое. Но им сопротивляется другое воинство, черных рыцарей, хранящих в себе отпечаток демонической силы. Двум этим силам предстоит столкнуться за власть над всем новым миром, каким бы ужасным и пустым он не был. Это история о борьбе смирения и гордости, чести и ненависти.

© Конъюнктурщик, 2026

© Автор, 2026

Конъюнктурщик

Воинство немертвых

Глава I. Память оскорбленных

Ярость.

Лучшее, что есть в человеке, это ярость.

И если эпоха размыла это величайшее свойство человека, то герои будут призваны сломать эту эпоху, чтобы прагматики отстроили новую. Ибо истинному герою никто не сможет сказать: "Такова эпоха". Герой сам определяет какой эпохе быть, а какой нет.

Белые рыцари, служившие магам, строителям нового мира, не признали всеобщей смерти. Они попрали гибель вселенной, мозолистыми, обгащенными кровью, руками они оберегали дух нарождающейся жизни.

Но черные рыцари, силы которых хранились в умерших телах, признавали эпоху. Они отвернулись от света и смирились с тенью, опустившейся на Единый континент.

Любой рыцарь любит и ценит жизнь. Но что это за жизнь?

Мертвый мир пробуждался.

Солнце тускло светило, но это было иное солнце. И небо было иным.

Под металлическим небосводом по узкой тропе вдоль склона невысокой горы, покрытой серыми остатками иссохшего леса, шли воины в черных латах, покрытых редкими и лаконичными узорами позолоты.

Тела и лица, сокрытые черной сталью, не были вынуждены терпеть холод поздней осени, потому как уже жизнь в них была условной. Утонченные магические усилия удерживали души внутри этой засохшей плоти вместе с соками тел. Ещё перетекала внутри них кровь, и бились сердца, но это не было нормальной жизнью.

Эти существа все ещё считали себя людьми, хоть и понимали, что природа их изменилась, что они уже давно являли собой проявления тёмной стороны жизни. Они ощущали себя иначе, чем в далеком прошлом, казавшимся легким, светлым сном. Гротескное спокойствие оберегало их от ужаса, что могла бы внушить хотя бы мысль о подобном существовании.

— Тише... — произнес первый в цепочке.

Всего их были одиннадцать, один и ещё десять.

И вышли они на небольшую опушку на уступе. Отсюда открывался вид на горные гряды, окружавшие их с обеих сторон, и на соседнюю гору, что им предстояло покорить.

Полторы мили в высоту. Не очень высоко. В латах и не спеша, это полдня пути. Большой просторный холм, открытые заливные пространства с зеленоватым отливом в вышине. А на самом верху город, но его не было видно из-за плохой погоды, он был окутан облаком.

Один предвкушал зрелище, достойное пройденного пути, и ещё десять лишь следовали за ним.

Вдали белели заснеженные вершины.

Мутное небо становилось темнее. Скоро пойдет дождь, но трава не вырастет послеживительной влаги, здесь больше ничего не растёт.

Они спускались ещё некоторое время в небольшой изгиб местности, заполненный высокими соснами, лишенными всякой хвои.

Черные ветки на сером фоне. Черные рыцари часто смотрят на небо, ведь на земле для них мало что осталось, среди грязи слишком мало радости для мертвых тел.

— Стоять, — приказал первый.

Десять повиновались мгновенно, застыли их шаги.

Сапоги первого ступили на плоский камень. Здесь была вымощена тропа когда-то, но её не завершили. Но природа и не пыталась взять своё, ни единой травинки среди гладкого булыжника.

"Тропа жертв. Остались какие-то тысячи шагов, и задача выполнена, но я чувствую... что это?" — тревожно думал первый.

Два красных огонька.

Чьи-то глаза мелькнули среди блёклой коры стволов.

Первый сжал рукоять и начал вытаскивать меч, но затем с грустью выдохнул и вернул клинок в ножны.

"Нет... мы не тронем друг друга," — сказал он сам себе.

— Дальше.

И десять двинулись дальше.

Тропа причудливо петляла, огибая овраги и крутые откосы, покрытые крупными камнями.

Шли они долго.

Наклон склона стал шадящим. И тогда тропа вновь распалась, и под ногами была уже свежая трава. Здесь был сочный мягкий дёрн, среди которого распустились белые цветы.

"Жизнь здесь..." — подумал первый, но не улыбнулся.

Не за тем он пришел. Теперь для него это было подобно роскошным коврам, украшающим стены дворца. А десять всё угрюмо шли за ним, не видя перед собой ничего.

Туман застилал пространство, вскоре их вереница шла внутри облака. Словно вода стояла в воздухе, из белёсых клубов выплывали камни. Сперва небольшие, среди которых ещё росли белые горные цветы, но затем все крупнее. И вот они шагали по булыжникам, словно сложенным в давно расколотые ступени гигантской лестницы, взбираясь на валуны, а мелкие камни скатывались из-под их кованых подошв.

— Стоять... — рассеяно скомандовал первый.

Две красных полосы.

Скользили чьи-то глаза меж камней.

— Ваша светлость... — произнес один из рыцарей, демонстративно сжав рукоять меча.

— Ещё нет, — ответил первый, рассеянным взглядом ошупывая склон.

И нашлись два алых огонька, в которых сквозила жадность. Среди мха и камня становились все более ясными черные фигуры, отдаленно напоминающие человеческое подобие. Длинные руки, выгнутые назад ноги, широкая грудь. Они медленно выбирались и уже открыто перебирались с камня на камень.

— Обнажить мечи.

С торжественным лязгом сверкнула сталь.

— Ваша светлость могут спокойно проследовать в город, наш отряд позаботится об опасности.

— Нет. Я подожду, — из-под шлема послышалась легкая улыбка первого.

Черные монстры цепью двигались, мельком переглядываясь между собой, но более смотрели на первого, словно взаимно зачаровывая взглядом. И первый пытался разглядеть нечто в этих красных огоньках.

Хлынули черные конечности сплошной волной. Монстры ринулись в атаку.

Рыцари кивнули друг другу и лишь встали покрепче. Десять вцепились в склон, один наблюдал...

Монстры приближались, скотские ноги быстро перебирали гладкую поверхность валунов, черные руки загребали воздух. И вскоре они уже тянулись к рыцарям, хватали их за латы,

соскальзывали по металлу. А рыцари лишь только опускали сталь, отчищая мир от этой уродливой плоти.

Завязалась рубка.

И когда почти все монстры были перебиты, последние стали в спешке отступать, сутулясь и жадно оборачиваясь. Красные огоньки горели неизменно, но прятались, и лишь один из монстров, с отрубленной левой рукой, стоял в полный рост, глядя первому прямо в глаза.

Казалось, один миг очи монстра вспыхнули и потухли разочарованием.

И монстры скрылись среди камней.

"Как мило, он тоже имел амбиции. Неужели они атакуют из интереса, а не только из-за голода?" — размышлял первый, когда его мысль прервал злобный возглас рыцаря.

— Грязь на наших прекрасных латах и то лучше крови этих тошнотных тварей!

— Не брезгуй ими, — сказал первый, — они ещё удивят тебя.

Одиннадцать вновь двинулись вверх по склону.

Город. Прекрасный город.

"Но увидим ли мы его?" — думал первый, стоя пред узкими ступенями, вырезанными в отвесной скальной стене.

Белый город, первый и самый крупный оплот пробуждающейся цивилизации людей. Первому было интересно увидеть его своими собственными глазами, и теперь они пробирались лишь в пригород.

Но в этом облаке не было видно ничего.

Ночь уже спустилась. Ни луны, ни звезд.

У самого края уступа их встретили внешние стражи, воины, охраняющие кварталы за городской стеной. Это были обычные люди в неполных доспехах и с алебардами, но возглавлял их маг, строгая белая одежда которого могла ввести в заблуждение, но красная полоса ближе к концу широкого рукава давала понять о принадлежности его к Совету, высшему законодательному органу Белого города.

— Приветствую тебя, префект Альтиген, — сказал маг, из прорезей в шлеме на него посмотрели живые глаза, тогда маг скользнул взглядом по остальным, то увидел лишь мутные расплывшиеся серые зрачки.

— Приветствую, маг, — ответил первый, и с явной улыбкой в голосе мягко продолжил, — тебя смущают мои соратники? Они мертвы, можешь не смотреть на них, они не согреются от твоих взглядов.

Его манера говорить необычайно сочетала в себе мягкость голоса и жесткость тона, незамысловатая, но четкая речь его куталась в простоту, под которой была солидность.

— В моем взоре магии нет, я же не бог, — ворчливо ответил маг, подняв капюшон и показав обычное непримечательно лицо старика.

Тогда и Альтиген снял шлем.

Внешность его была блеклой, не мужественной: длинный нос, тонкие губы, невыраженный подбородок. Но когда-то давно он мог показаться красивым благодаря своей открытой, хоть и жиденькой, жизнерадостности. Теперь же это был дракон. Старый рыцарь и мстительный хозяин, но внешне лицо его ещё было искусной маской доброй воли и благородного устремления.

— Мы увидим город? — спросил Альтиген после недолгого молчания.

— Вопрос в том, увидит ли город нас, — задумчиво отвечал маг, — пройдемте.

Они двинулись все вместе вдоль края уступа, плавно перетекающего в построенную террасу. Далее из облака выплывало небольшое пшеничное поле, идя вдоль которого, добрались до сада, огражденного высоким каменным забором, поросшим плющом.

Внутри росли высокие кусты, ровно остриженные в незамысловатый лабиринт, преодолев несколько поворотов, они наконец зашли в просторную беседку, что была просто клеткой из деревянных брусков, по которым обильно вились виноградные лозы.

Рыцари остались в лабиринте, а стражи встали у входа в беседку.

Маг и Альтиген присели на деревянные скамьи.

— Что ж...

— Проблемы с тем, как нас воспринимает Совет, все ещё не улажены? — прервал старика Альтиген, он говорил теперь более холодно и прямо.

— Видите ли, — старик же отвечал все также спокойно, — Нужно некоторое время, чтобы подготовить Совет к принятию того или иного решения.

— Мы выделили необходимые средства, — начал Альтиген, его глаза, чуть опустившись, временами беспокойно бегали, но потом строго стреляли в собеседника, — После всех тех отравленных драгоценностей, что мы ввезли в город для, так скажем, наших уважаемых союзников, ваш Совет, должен ну просто уже светиться от магического излучения.

— Да, — вздохнув и закинув ногу на ногу, маг отвечал, — Но мало просто ввезти драгоценности. Вы избрали путь полной пропитки, а это занимает время. Это не тот случай, когда вы просто даете нужную сумму одному ключевому человеку, чтобы заключить сделку. Как я понял, вы хотите построить длительные и крепкие отношения с городом?

— Естественно, я даже проделал весь этот путь, чтобы лично присутствовать здесь в интересах моей конгрегации. Но наши уважаемые союзники, по-видимому, не воспринимают потуги, так скажем, наладить отношения, всерьёз. В чем дело? — он расставлял короткие паузы, чуть подавшись вперёд.

— Надо сказать, что... — маг заговорил тише, настороженнее, — далеко не весь Совет заинтересован в том, чтобы отдать в пользу Черного ордена охрану караванов, особенно тех, что снаряжаются в самом городе. Белые рыцари активно развивают свой орден, их организация на подъеме, они получают все больше заказов, и они не намерены сейчас делиться прибылью.

— Нет, ну это не серьёзно, — на миг Альтиген вспыхнул, но быстро взял себя в руки, а затем добавил больше ноток надменности, в коей сквозила обида, в свою речь, — ежели наши, так скажем, уважаемые союзники, декларируют возрождение мира и порядка на всём континенте, если они сами декларируют разумный подход к хозяйству, то к чему это все? Наши услуги дешевле. Вы честно столкнитесь с нами, — его тон вновь обрел деловой оттенок, — Черные рыцари знают пустошь, как самих себя, они надежнее и берут меньшую плату, кроме того, всегда имеют доступ к самым лучшим доспехам и мечам, их надежность оправдана множеством успешных торговых операций. Плодотворные отношения, скажем, между Приютом и Новым храмом, это заслуга черных рыцарей, потому что без них нормальное сообщение было бы невозможно. И недавний случай произошедший на... На пути между Золотым тронем и Белым городом, когда чудовища уничтожили целый караван, это как раз то, чем обернулась попытка торговцев защитить самих себя.

— Понимаете, — старик все также терпеливо разъяснял все препоны, встающие на пути к желаемому результату, поменяв местами ноги и откинув капюшон, — когда речь идет о влиянии Белого города, Совет готов принести выгоду в жертву укреплению непосредственно влияния города, в многие члены Совета согласны с Императором...

— А что скажет префект? — торопливо спросил Альтиген.

— Префект, напротив, расположен к сотрудничеству. Он весьма оценил качество везённых подарков, особенно по душе ему пришлось образцы магической руды, сталь он оценил менее высоко, но руда его весьма заинтересовала.

Пасмурные облака развеялись, показалась луна, её свет серебряным ручьем пролился в беседку.

Ночь отчищалась, становилась легче.

— Наша руда сегодня самая дешёвая на всем континенте, и не уступает качеством ни одному оплоту. Наши уважаемые союзники это прекрасно знают.

— Префект заинтересован в ней, — подхватил маг, — это может стать хорошей почвой для сотрудничества, кроме ваших союзников, которые возят товар в Приют, Префект также имеет множество хороших друзей в Совете, они могли бы пополнить нашу фракцию.

— Ладно, — после недолгой паузы, — когда мы встречаемся с представителями города?

— Послезавтра днем. Завтра все лидеры заняты. Мы встретимся также в роскошных садах. А пока что, у вас есть время для знакомства с самим городом, это не менее важно.

— Согласен, — и Альтиген вновь улыбкой развеял мрачность своего лица.

Черные рыцари и стражи разошлись. Маг повел одиннадцать путников вглубь причудливого лабиринта, пока они не наткнулись на просторный дом с внутренним двором и бассейном.

Побелённые стены и красные колонны, мягкие ковры на полу, статуэтки ныне непочитаемых богов в нишах, малая дань древней красоте.

Десять расположились в пустых комнатах, в самой большой из которых уединился сам Альтиген. Ещё долго горели свечи в покоях префекта конгрегации, он мучительно размышлял над случившимся разговором, и ещё мучительнее думал о предстоящем.

—————

Белый город.

Город всех живых.

Возрождение человечества должно начаться отсюда, так считают основатели.

Солнце медленно поднималось, отодвигая ночь всеобъемлющей волной света. Лучи ударили в камень, вырвав из предутренней блёклой тьмы величественную архитектуру под тёмным синим небом.

Предстоял величественный день.

Магия сохраняла тепло в этом городе, и дни здесь всегда были более яркими.

Новый город.

Ещё никто не строил так. Ещё никто не дерзал возводить столь стремительных сооружений.

Это были колоссальные зиккураты, уходящие ввысь, опоясанные массивными колоннадами на верхних этажах, среди квадратных столбов процветали сады, которые можно было бы счесть дикими джунглями, и словно к ним с любовью прикоснулся чей-то могущественный разум, но не чья-то рука.

Бежевые, с охристым отливом, кирпичи были сложены усилиями многих тысяч, двигавшихся в едином магическом русле. Без магии подобные сооружения возвести было бы невозможно.

Когда-то архитекторы жили в далёком Золотом троне на юге, в Океанических воротах на востоке, в граде Стремительном на западе и в волшебной Башне на севере. И встретившись здесь, их умы слились в экстазе, рожденном идеей о главном городе, о верховном граде, повелевавшем всеми прочими; они подняли из глубин своих душ эту идею, осветили её своими пылающими сердцами, белые маги дали им свободу и цель.

Скошенные стены покрыты рядами ровных углублений, испещренных длинными узкими окнами. На уступах некоторых из зиккуратов цвели сады, стояли в ряд фруктовые деревья, пестрели в изобилии цветы. Архитекторы мечтали раскинуть свежие рощи в своих дворцах и вот, они сделали это.

Завершались зиккураты храмами, строгими прямоугольными сооружениями, обнесёнными рядами укрепляющих ровных выступов, лишённые окон, прямоугольные мощные крыши их нависали гигантскими плитами.

Десятки пирамид стояли в своем величественном единстве, окруженные широкими террасами, возведёнными поверх склонов горы, и на которых люди устроили поля, там зрели хлеба целый год, а фруктовые рощи плодоносили. Магия порождала здесь жизнь, магия висела здесь в воздухе, пропитывая его ласковым теплом. И она исходила от магистрали.

Не принадлежавшее людям строение, природу которого никто из живущих ещё не смог познать.

Внизу, среди зиккуратов высились широкие виадуки, по коим прогуливались жители. Идя вдоль зубчатой ограды, Альтиген минул одну из пирамид и открыл себе вид на магистраль.

Это была светящаяся, идеально ровная река, висевшая прямо в воздухе. Казалось, кристаллы и горный хрусталь летели здесь дождевой струей, среди воздушных потоков. Магистраль вливалась в срезанную крышу опоры, то была огромная круглая скала, пульсирующая ломанным рисунком белых, светящихся линий, стекающих из потока.

Спустя некоторые мгновения созерцания магистрали, мнимые ангелы стали вливать в разум Альтигена свои песнопения.

Но он отвернулся, опасный магический мираж пагубно влиял на сознание.

Мало кто до последней войны с чудовищами, похоронившей прежний мир, знал Альтигена, а потому тот мог спокойно гулять по городу, одевшись в простую шерстяную тогу, тем более что в отличие от своих десяти воинов, он выглядел как человек.

"Почти также ярко, как до войны..." — подумал Альтиген, услаждая взгляд насыщенным небосводом, с которого за ночь облака стекли за горизонт.

Виадуки шли меж домов, словно вторые улицы, также петляли, и также вели к дверям, большим деревянным воротам, парадных входам, внизу же, в их тени, были небольшие дверцы для прислуги и простых рабочих, что жили внизу, в тени величественных пирамид. Там, внизу, торговались, трудились, создавали в мастерских товары на продажу. Где-то во глубине зиккуратов ковались мечи и доспехи из магического железа, создавались изделия, инструменты, где-то там выковывалась мощь и сила Белого города. Не престарелые маги в своих трясущихся от энергии руках хранили силу города, но сила эта текла расплавленной в формы для литья.

И Альтиген хотел увидеть это, хотел ощутить чужой жар, увидеть чужую работу, посмотреть, как бьётся сердце города.

Но сейчас его ждала свежесть окраинных садов.

...где-то на окраинах, в саду за высокой каменной оградой, поглощённой буйной растительностью, в тени высоких стройных кипарисов и среди розовых кустов.

Здесь ненавязчиво пели птицы, разгоняя дух поздней осени.

В городе были действительно величественные сады. Но встретиться решили здесь, в этом уютном уголке, скрытым колоннадой крон от взора зиккуратов.

На каменных скамейках без спинок сидели трое. Стратоник, Протелеон в белых мантиях с тонкими алыми полосами на краю рукава, и Альтиор в белой льняной тоге с золотым узором по краю. В этом зелёном уголке они ждали молча, каждый думая о своём.

Шум листвы сопроводил появление Альтиора в черной тоге и мага в белой мантии.

— Приветствую тебя, Исеп, — сказал Стратоник, обращаясь к магу.

— Приветствую тебя, префект Стратоник, — ответил маг, и представил рыцаря, — Представляю тебе Альтигена, префекта конгрегации по делам рыцарства в Черном ордене. А это, — и маг простер руку к остальным вставшим, — Протелеон, верховный маг Белого города, и Альтиор, император Белого города и начальник всех белых рыцарей.

— Приветствую вас, Альтиген, рад видеть в нашем городе, — сказал Стратоник, слегка поклонившись.

— Приветствую, — сказал Протелеон, слегка сощурился.

— Добро пожаловать, — слегка улыбнулся Альтиор.

— Приветствую всех, — произнес Альтиген, величаво подняв руку с открытой ладонью.

Они прошли к скамейкам и расположились по краю каменной площадки, где уже пробивался меж плит мелкий кустарник. Пахло летней свежестью, веяло умиротворением.

Собравшиеся внимательно стали вглядываться друг в друга.

Засуетились слуги, внесли небольшой столик, поставили блюда с фруктами и сыром, кубки, налили вина, а позже Исеп хлопнул в ладоши, и все исчезли.

Теперь Альтиген видел своих оппонентов.

Префект города сидел ровно и своими почти синими глазами смотрел прямо. Его рубленые топором черты зрелого лица выражали спокойную честность и порядочность, густая борода украшала их. Черные брови вырывались из этой седеющей светлой головы, даже магия не могла остановить время, и под здоровьем сохранившейся молодости пробивались медленно черты старения.

Правее сидел более расслабленно молодой Альтиор, улыбаясь своими искрящимися карими глазами. Коротко остриженные каштановые волосы, выбритое лицо. Ровные черты воина, волевой подбородок, прямоугольная челюсть, на щеках только прорезаются вертикальные морщины. Сколько скрывалось силы за этой простотой, Альтиген желал узнать, раскусить...

А дальше, у края площадки сидел, глядя в никуда, Протелеон. С его властного точенного лика старца ниспадала белоснежная борода, нос был орлиный, из глаз лился тающий холод, покрасневшие, они больше не испускали ледяного взора. Но Альтиген не знал, был ли Протелеон так стар внутри, как снаружи. Магия очень глубоко меняет жизнь.

— Черная тога для траура? — нагло спросил Альтиор.

— Жизнь черного рыцаря и есть траур, — ответил, грустно ухмыльнувшись, Альтиген.

— Скажите, а вы мертвый или живой? — снова сострил Альтиор.

— Мертвый, мертвый, голубчик, не беспокойтесь, — неестественно мягко ответил Альтиген, но ухмылка его поблела.

— Альтиор, — строго произнес Протелеон.

Тогда Альтиор выпрямился и накинул более серьезное выражение лица, ему происходящее не было в радость и потому он пытался развлечься, как мог. Настолько сильно он не уважал черного рыцаря.

— Надо думать, — деловито начал Альтиген, чуть подавшись вперед и сцепив пальцы, — мы собрались здесь, не как представители двух городов, но как серьезные самодостаточные люди. Я полагаю, у каждого из нас тут есть свои интересы, без относительно того, какие действительно могущественные силы мы представляем. Так что, я надеюсь, что вижу здесь своих будущих союзников.

Недолгое молчание.

Альтиген смотрит на Альтиора, взгляд которого становится жестким.

— Мои интересы от интересов города не делимы, — ровно и четко отчеканил император.

— Твои интересы за пределами города, — Стратоник твердо посмотрел на Альтиора.

— Я... — медленно и осторожно, начал отвечать рыцарь, — уважаю ваше стремление отстаивать ваш город. Но, надо понимать, что... и вы как граждане составляете этот самый город. Ваш интерес, это и есть интерес города. Понимаете меня?

— Нет, — ответил Альтиор, не выражая взглядом и капли непонимания.

— Хороший город это тот, в котором горожане друзья, — упомянул Стратоник, включившись в беседу, — я понимаю, о чем вы говорите.

— Да, — Альтиген благодарно посмотрел на Стратоника, — и я хочу сказать, город процветает тогда, когда процветают его горожане.

— Что же вы понимаете под процветанием? — спросил Протелеон, в его хриплом голосе ощущалась надвигающая дряхлость.

Немного сменив позу, расправив плечи и глубоко вдохнув, Альтиген улыбнулся.

— Разумеется, каждый сам понимает для себя процветание, — рыцарь глянул в сторону, слегка вскинув брови, — но все мы, если не лукавить, хотим обладать тем, до чего можно дотронуться, что очевидно для всех людей... Для людей нашего уровня это уже не золото, этим очевидным для нас является, конечно, магия и всё, что хранит её.

— Магия есть жизнь, — задумчиво произнес Стратоник.

— Да, и мы не должны отказывать себе в том, чтобы жить по-настоящему, — добавил Альтиген, внутренне удивившись такой своей легковесной фразе.

— Так значит, — тяжеловесно спрашивал Протелеон, шевеля длинной бородой, — процветание заключено в накоплении магических носителей?

— Да, пожалуй, что так.

— В чем смысл вам делится такими богатствами, — заговорил Альтиор, — вы же сидите на них. Разве ваши горы не усеяны магией?

— Магия, к сожалению, не единственное, из чего состоит жизнь обычных людей, которых на севере все ещё очень много. Поэтому, мы хотели бы сотрудничать. Мы вам руду, а вы нам золото, — Альтиген ещё не знал, услышали ли они его, но ему нравилась хотя бы его собственная речь, и это уже было хорошо.

— Сэр Альтиген, что вы готовы нам предложить? — спросил Стратоник.

— Назовите цену, по которой вы завозите руду из Золотого трона, и я сделаю дешевле.

Стратоник довольно улыбнулся, Альтиген улыбнулся ему в ответ.

Два хлопка в ладоши. Вошли слуги. Исеп внимательно наблюдал, как разливается вино по кубкам, затем вновь все исчезли.

— Господа, — обратился Исеп ко всем, — выпьем за нашу встречу.

— За встречу, — коротко подтвердил Стратоник.

Все пятеро опустошили кубки, слуги стали разливать вновь.

Стратоник взял с блюда виноградную гроздь и стал медленно уплетать её, Альтиор же ни к чему не притрагивался, а только разглядывал Альтигена.

— Белый город, — заговорил вновь император, — будущая столица мира и не может зависеть от кого-либо.

— Да, — отвечал рыцарь, — Не доверяй никому и научись быть один, древний закон. Но разве может существовать столица мира без самого мира? Ну так не бывает. Столица, это бриллиант на короне. Вы хотите сделать её сильной? Ключ к силе в хороших союзах, поверьте мне. Так называемое отречение от мира не приведет вас к могуществу. Все мы хотим процветания, но мы добьемся этого только если будет, так скажем, сотрудничать.

Продолжая говорить, Альтиген внутренне корил себя за то, что тратит так много слов, он понимал, что с Альтиором не получится договориться.

— Процветание кроется для Белого города не в слепом накоплении магических сил, — продолжал Альтиор, — но в преобразовании человека, в создании с помощью магии нового общества.

С самого начала рыцарь видел, как император пренебрежительно и открыто враждебно смотрит на него. Если люди друг другу не нравятся, они не договорятся, какие аргументы не были бы использованы.

"Нет... я тебе не нравлюсь. Ну это не страшно. Мы ещё поговорим при других обстоятельствах," — думал Альтиген, смотря Альтиору в глаза, и как бы говоря это ему, а тот словно отвечал, что это будут явно не те обстоятельства, о которых тот думает.

Стратоник отпил от кубка и повернулся к Альтиору всем торсом:

— Только, — неспешно начал он, — накопив критическое количество магической энергии, мы сможем перейти на новую ступень нашего строительства, без этого не будет условий для рождения нового народа. Магия нужна для укрепления нашего хозяйства, наши поля дают больше урожая благодаря тому, что мы распределяем энергию, этот новый способ орошения позволит нам обеспечить городу устойчивость и стабильность.

— Я не верю в то, что обогащение изменит людей... — отмахнулся Альтиор.

— Прости, что говорим столь непонятно быть может для вас, сэра Альтиген, вы слышали что-нибудь о философии Белого города?

— Префект Стратоник, — Альтиген выпрямился, он стал говорить мягче, опустив деловитость тона, — я не изучал ваше учение глубоко. Но основные принципы, как я понял, говорят о возможности создания нового человека. Мы, черные рыцари, верим только в нашу честь, которая одна по-настоящему принадлежит нам. Мы смирились с гибелью этого мира. Мы живем на севере и там, знаете, в наших заснеженных горах, мы не видим скоро возрождения.

— Сэр Альтиген, ваш взгляд определен суровыми условиями, с которыми вы столкнулись. Кем вы были до войны с чудовищами?

— Я был простым рыцарем, — скромно ответил Альтиген, но не без толики самодовольства, глаза его улыбались.

— Это мы поняли, — любезно улыбнулся Стратоник.

— Я был воином при Небесной обители, — Альтиген говорил медленно и аккуратно, следя за реакцией слушающих — правитель Стремительного принял мою прошение и определил меня в подчинение к одному из своих приспешников, я принес ему клятву, а также лично правителю града и его небесному происхождению. В битве за град Стремительный я сражался в левом крыле вместе с остальными уцелевшими защитниками града. Престарелый глава дома, которому я служил, доверил мне вести его людей вместо его старшего сына, погибшего при обороне, во время штурма. Наш отряд быстро смяли, я не успел ничего запомнить о битве. Дальнейшее мне следует опустить.

— Почему же? — спросил Стратоник, поглощенный этой историей, — сэр Альтиген, нам крайне любопытно узнать развитие этой судьбы.

— Последующие события считаются в нашем ордено откровением. Мы не обсуждаем некоторые грани своей природы с посторонними. Прошу прощения, префект.

— Ваша вера интересна, сэра Альтиген.

— Это и не вера в общем, а всего лишь свод правил, которые, собственно, и делают нас рыцарями. Если говорить о взгляде на мир, то мы верим в наших старых богов. Пантеон Черного ордена многообразен.

Птицы все также сладко пели, а солнце встало в зените, становилось всё жарче.

Вкус вина был неестественно сладким.

"Магия... теперь и вине магия. Чем же ещё вы меня удивите?" — подумал рыцарь.

Воцарилось короткое молчание. Стратоник не задавал новых вопросов, а задумчиво осушал кубок, Альтиор же смотрел в сторону, Протелеон также молчал, слегка поглаживая бороду. Альтиген устало взглянул на Исепа, такой формат встречи явно не был плодотворным для его предприятия.

Исеп суетливо поднялся.

— Предлагаю сделать перерыв и встретится вечером в этих же садах.

—

"Да, нельзя засовывать пауков в банку," — сказал про себя рыцарь.

Ночь.

Во дворе этой скромной пригородной виллы, он сидел на кресле ипил мелкими глотками вино. Ни души рядом не было. Но за высоким забором стояли черные рыцари в своих вороных латах, вряд ли у них была душа в том же смысле, в каком она есть у людей.

Ещё нельзя было сказать что-то о Протелеоне, но Стратоник явно был заинтересован в успешном сотрудничестве.

Очень зря они пересеклись втроем. Подразумевалось, что один из членов триумvirата не может договариваться о чем-то, что влияет на существование города без двух других участников.

Не представлен был лишь суд, но судья не был важным человеком в городе, члены Совета представляли арбитрами в действительно важных спорах, тем более что маги были хозяевами города, а потому и могли решать, кто прав, а кто виноват, судьи же занимались по большей части мелкими склоками; а уж конфликты между самими магами мог решать ли верховный маг, Протелеон, поэтому настоящую судебную власть в городе представлял он.

Рассудит ли Протелеон Альтиора и Стратоника? Вряд ли. Это конфликт интересов. Альтиген понимал, что Альтиору не нравится, что он захватывает сообщение между Золотым тронem и Новым храмом, что черные рыцари заполняют пустоши, обеспечивая безопасность почти на всем континенте, и что это явно не увязывается с картиной мира, в которой он, император, является представителем главного города на континенте.

Формальный раздел мира неизбежен в глазах Альтигена.

Люди, у которых есть амбиции и хозяйство, должны договариваться. Они не сцепятся за землю, словно дикие звери.

И тогда Альтиген сам улыбнулся своим наивным мыслям.

Прохладный ночной ветерок подул.

В небесах тучи приоткрыли луну, пролив свет на зиккураты, засиявшие в темноте.

Нет, с Альтиором они не подружатся, но договорятся. Много ли людей у него? Так ли сильно белое рыцарство? Молва говорит о том, что они весьма искусные воины, которые стараются не использовать магию, но тела их пропитаны ею. Они поймут друг друга. Альтиген не будет лезть к Альтиору, Альтиор не будет лезть к Альтигену.

"Мне север, ему юг. Черно-белый мир," — Альтиген ухмыльнулся осветлённой темноте лунной ночи.

Ещё не было войн после нашествия серых чудовищ. Мир выдержал удар демонов. Но теперь, какой это мир? Что за люди теперь в нем живут? В свое время они сражались на мечях, верхом, они осаждали крепости. Эти люди помнили ещё старый мир, и они видели своими глазами, как пришла война, какой не было до того.

Гигантские армии, состоявшие из десятков тысяч воинов. Неутомимое наступление, уничтожение целых городов, истребление народов. Страшная война. Но что важнее всего в этот момент, люди, с которыми Альтигену нужно договориться сейчас, эти люди видели войну нового типа, своими глазами видели, как он мутировала, как жестокость расправила свои крылья, покрыв своей тенью весь континент.

И никто не знал, что ждет их в этот раз. Все помнили ужас, грязь, смешанную с кровью, объятые огнем снаряд осадных машин, дым пожарищ, вой серокожих тварей в ночи...

"Хотят ли они вновь познать, что такое война?" — спрашивал сам себя рыцарь.

Ведь новая война будет ещё страшнее для той горстки людей, что теперь населяют мир.

Понял ли его Альтиор, как человека? Понял ли он Альтиора? А поняли ли они друг друга со Стратоником? Да плевать. Префект конгрегации по делам рыцарства мыслил масштабами государства. Он знал, что он уже не просто человек, или нечто похожее на человека, ныне он сама должность, в которой слилась воля многие сотен и тысяч. Да, важно уметь договариваться, важно уметь найти подход к человеку, но личные моменты меркнут, когда речь идет

о государственных делах. Альтиген понимал это про себя. Вопрос, понимал ли это Альтиор? Вряд ли. Вообще, он показался Альтигену довольно тупым.

Возможно, Стратоник был государственно-мыслящим человеком. Седина украсила его голову, глаза были мудрыми.

Белый город был слишком большим, чтобы быть единым целым, чтобы с ним можно было договориться. Это сплетение многих властных людей, сумма воли разных людей, до которых сложно дотянуться. Они не будут думать одинаково, не будут едины, быть может, разве что перед лицом опасности, угрожающей им всем.

Как и прежние четыре столицы старого мира, делившие стороны света, Белый город имел свою культуру власти. Альтиген размышлял об этом. Можно ли уже что-то сказать об этом, или же город был слишком молод, чтобы в нем устоялась какая-то одна из форм государства? Это зависит от преобладания в нем тех или иных людей, того или иного склада.

До войны Альтиген бывал во всех четырех городах. Он помнил, как общались между собой люди, управляющие столицами, читал историю этих городов, хроники их правителей, жизнеописания великих граждан этих городов.

Они не одинаковы. Люди севера и люди юга, люди востока и люди запада.

Белый город находится на западе, севернее руин его бывшей столицы, но в нём собраны уцелевшие представители всех городов, чародеи Башни, провидцы Океанических врат, монахи града Стремительного, жрецы Золотого трона. И если Стратоник был представителем севера, то Альтиор, хоть и родился в Океанических вратах, но был воспитан на юге, служил полководцем у правителя Золото трона, его нрав был буйным, совсем не походил на разумную традиционность представителей Севера. Альтиген лишь надеялся, что север преобладает в Белом городе, который ему нравился.

Зиккураты приводили Альтигена в восторг. Он восхищался размахом и мощью новой столицы мира. Где-то в глубине его мелькали мысли о том, что он жалеет, что не является гражданином этого города, что не родился в нем. Хотя тогда, он не смог бы прийти однажды из вне и испытать это чувство восторга от увиденного.

Размах Белого города потрясал.

Словно цитадели самых мощных замков, построенные для правления землями, воплощая в себе угрозу всем тем, кто посмеет не покориться, собрались в один совет, чтобы править. Это храм, посвященный богам возведённый, для посещения его самими богами. Он был сердцевиной всего каменного зодчества, его стремительные пирамиды были колоннадой, небеса крышей, а храмом весь мир.

Континент впервые будет един. Альтиген верил в это, он бы охотно подчинился этому городу, желал бы слиться с ним, стать частью этого могучего тела.

А потому его раздражало пренебрежение Альтиора к его усилиям по созданию крепких и благотворных отношений.

Оставалось рассчитывать на благоразумие Стратоника и силу его фракции.

"Война. Это будет война. Они планируют нападение. Я могу совершенно спокойно говорить об этом..." — Зэорис повторял про себя свою речь, размышляя над сказанным сегодня днем в Совете.

Теперь пылинки мелькали в лучах света.

Заседание получилось сумбурным. Маги спорили, предлагая совершенно разный взгляд на Черный орден и взаимоотношения с ним, ещё не сформировался традиционный взгляд на это направление во внешних делах города.

Зэорис. Тонкие женственные губы, грубоватый ровный нос, черные бараньи глаза с большими ресницами, длинные черные волосы. Легкий налет косметики, он подводил тушью свои и без того выделяющиеся глаза.

Одетый в шелковую пурпурную тогу, он полулежал на небольшой скамейке, на столе перед ним лежали разные закуски и фрукты, стоял в небольшом кубке мёд, который он изредка пил и облизывался. В кресле перед ним сидел, откинувшись на кожаную спинку Протелеон, покуривая из тонкой длинной трубки опиум, испуская пары, что постепенно заполняли этот зал, стояли дымкой, словно рваные занавески.

Протелеон сделал затяжку и спросил:

— Как ты считаешь, нам стоит опасаться их нападения?

— Не знаю.

— Сегодня на заседании ты сказал, что лично видел готовящиеся полки, которые стояли у подножия горы Священное копьё.

— Да, я видел, — Зэорис говорил четко, уверенно, его манера речи имела также ироничный оттенок звучания, легкий, как шелк, в который он и был одет, — там собираются силы, но это не было достаточно крупное войско, которого бы хватило для серьёзного похода на приличную глубину, для этого необходимо с их стороны гораздо более серьёзное количество пехоты, — лишь изредка в его речи проскальзывали смягченные звучания слов, что придавало сельский оттенок его манере, — И потом, это три недели пути отсюда в лучшем случае. Внезапности не будет.

Новая затяжка:

— Белое рыцарство успеет собрать силы за три недели?

— Более чем, не все силы, но их хватит для обороны города. А такой крупный город, как наш, не получится взять даже если всё черное рыцарство соберется, силёнок у них не хватит.

Короткая пауза.

Зашли слуги южной внешности в одних набедренных повязках, поменяли блюда и удалились.

Зэорис хлопнул в ладоши дважды.

В нише, прикрытой белыми тканями, заиграла неспешная струнная и духовая музыка, медленно застучал барабан.

— Твои вкусы не меняются, — произнес Протелеон и пустил колечко дыма.

— Да, — Зэорис улыбнулся, — люблю хорошие мелодии.

— Твоя речь в Совете сегодня была хорошей.

— Ведь ты не сторонник войны, Протелеон.

— Да.

— Для чего же мы тогда разжигаем эту рознь? В чем сущность этого спора?

— Белый город, Зэорис, должен процветать, — он говорил медленно, с высоты своей белой бороды он звучал поучительно, — Когда мы говорим это в Совете, мы верим в то, что говорим. Запомни, маги верят в то, что говорят. Это сближение с Черным орденом недопустимо. Когда Альтиген и Стратоник договорятся, к нам хлынет поток дешёвой руды, который вытеснит руду из Золотого трона, её меньше, и она дороже.

— Так разве это не благо? Или ты боишься зависимости?

— В свое время Башня была очень зависимой от пшеницы, ввозимой с юга. Этот город выдержал многое, но альвы одно время дергали за ниточки, управляя чародеями. Наше поколение магов пресекло это.

— Скажи, Стратоник все-таки верит в то, что сможет этот поток обуздать?

Вновь затяжка.

— Ему хочется делать больше более дешёвого товара, заполнить склады, поставить больше оружия для рыцарства. Он преследует ясные цели. Но да, ему кажется, что он сумеет

сохранить власть над ситуацией. И, быть может, он уже заключает такие же договоренности с другими городами. В прошлом году он ездил в Новый храм, с тех пор руды, прибывающей оттуда стало больше. Мы нуждаемся в ней.

— Черное рыцарство усилит свою мощь, если станет поставлять нам руду? Ведь это укрепит нас, да, это также будет способствовать подъему Приюта... — Зэорис запнулся.

— Черные рыцари усилят свое влияние на Приют.

— Разве они и так не владеют Приютом?

— Нынешняя столица севера всего лишь город. Рыцари не владеют городами. Приют является их гнездом, местом скопления их силы, но не принадлежит им. Если Черный орден заполучит себе город во владение, его структура обретет стабильность, к которой они стремятся. Их влияние в Приюте переоценено. Но, получив хорошие деньги, они раздадут их простым горожанам, и толпа будет поклоняться им. Альтиген уже сейчас раздаёт подарки простым людям, устраивает праздники, народ проникается симпатией к нему. Торговля с севером должна быть ограничена.

— Но ведь они также будут пытаться поставлять её и в Новый Храм, и в Золотой трон, и вообще будут заполнять другие крепости этой дешёвой рудой.

Вытащив трубку изо рта и сощутив глаза, Протелеон жестко произнес:

— И мы не позволим им этого.

Зэорис взял банан, почистил его и стал кушать, отламывая по кусочку. Протелеон перестал курить, отложил трубку и закрыл глаза.

Хозяин хлопнул в ладоши и указал на шторы.

— Откройте их.

Слуги подошли к стене и развели тяжелые ткани в стороны, открылся вид на внутренний двор с бассейном. Яркий свет дня заполнил комнату. Все здесь было в весьма традиционном для пригорода стиле: тёмно-красные стены, статуэтки в нишах, рыжая черепица крыши, тяжелая мебель приземистая.

Прошло какое-то время в расслаблении, оба о чем-то думали, старик, быть может, просто наслаждался эффектом, но вот он очнулся и вновь потянулся за трубкой.

— Скажи, что ты думаешь о развитии нашего города?

Вновь прозвучал двойной хлопок.

Музыка стихла.

— Да я как-то больше не верю в философию нашего города. Белая школа... — он подставил ладонь под голову, прикрыв щеку, — и знаешь, чем чаще я думаю об этом, тем больше во мне разочарования. В первые годы строительства города, ещё когда не возвели девятый зиккурат, я пребывал в восторге. Я видел, действительно, люди с энтузиазмом работали, в глазах простых людей была здоровая радость и готовность к трудностям. Сейчас ничего такого не видишь. Недавно только мне попался на улице парень, который продавал дурманящие травы с Серого полуострова, я, конечно, сдал его белым рыцарям.

— Да? — Протелеон пустил новое колечко дыма и слегка улыбнулся глазами.

— Ему отрубили голову, — и добавил тише, — мерзкое зрелище...

— Да, дурман стал появляться на улицах в последние годы.

— Маги в Совете продолжают и сегодня говорить о новом народе, где широко распространена магия, но мы не видим никаких подвижек к этому, кроме того, что маги берут в Совет помощников и набирают себе немногих учеников. Но это не похоже на широкое распространение учения. Эта идея мертва. Люди снова молятся своим старым богам, вспоминают о своих корнях, о привычках других стран. Не думаю, что они ощущают себя гражданами Белого города.

— Как ты сам на все это смотришь? — Протелеон внимательно смотрел за Зэориса.

— Ты спрашиваешь меня, верю ли я в новый народ, в столицу мира?

— Да. Веришь ли ты в это.

— Да, я верю.

— Не считаешь ли ты, что город должен развиваться иначе? Ты мало говоришь об этом в Совете. Почему я не слышу там от тебя подобных речей? — старик разглядывал мага.

— Моя фракция немногочисленна. И я пытаюсь прикидывать, чего я могу, а чего не могу.

На следующий день в Белом городе наступает рассвет.

Лучи постепенно зажигают белые камни, начиная с первых кирпичей в стенах высотных храмов, переходя к самим зиккуратам, проходя четкой волной по колоннаде, затем наступая на узкие улицы меж подножий величественных пирамид.

И вот уже гигантские тени отброшены на западные предместья. Девять великих строений стояли неровным кольцом, и в центре их было самое высокое, на крыше которого располагался большой кубический дом с маленькими окнами под самой плоской крышей. Его бежевые стены были возведены из бетона с добавлением вулканического пепла.

Вечная архитектура.

В доме том располагался Совет Белого города, орган собиравшийся ежедневно и состоящий из сильнейших магов города, всего их было две сотни; они решали, какой в городе будет закон, строительством и хозяйством же ведал префект города.

Восемь зиккуратов окружали здание Совета с восьми направлений. Лучами от них исходили восемь районов. Это были кварталы, состоящие из башен меньше размером, соединённые переходами и сливавшиеся в каменные леса, внизу же, меж них были узкие улочки для простых людей, где царила вся жизнь, где среди пыли и грязи трудились ремесленники, кузницы в пекле своих кузниц ковали металл, а предприимчивые торгаши продавали свой товар.

Дальше кварталов подле пирамид, раскинулись широкие террасы, нисходящие вниз по склону, они возвышались на высоких фундаментах. Там произрастали хлеба, золотым кольцом окружавшие кварталы. И магия текла по тем колосьям, которые вызревали каждую неделю, и собирались отрядами нищих крестьян, не никогда смевших покинуть эти поля.

И град, поработивший этих земледельцев, был столь огромен, что никто и не думал возводить для него крепостную стену. Каждый дом в нем был подобен цитадели, которую невозможно взять.

На западе возвышалась опора, соединённая виадуком с самой западной пирамидой, которая не на много превышала её по высоте. Магистраль висела высоко над городом, по ночам освещая западные его кварталы, словно многие тысяч лун, слившихся в одну стремительную идеально ровную реку; эта река текла меж высоких и отвесных скал с севера и уходила среди гор на юг огромной светящаяся полосой, затмевающей звезды по ночам. Теперь, днем она поблекла, но все ещё была довольно яркой и видимой.

Когда в последнем городе мира, столице севера, орды серокожих тварей были остановлены, а последние из демонов сгнили в собственном душевном разложении, выгорев изнутри, начался Красный дождь. Огоньки душ павших воинов и истреблённых мирных жителей, поднимались с полей боевой славы и из развалин некогда прекрасных городов прошлого и летели в свинцовые небеса. А затем началась гроза, красные молнии сверкали несколько недель подряд. Последние выжившие люди наблюдали это из пещер, где укрывались. После чего из небес спустились на землю огромные существа, размером своим превышавшие сами человеческие города, это были горы демонической плоти, светящейся миллионами горящих очей, гигантские конечности их извивались, затрагивая горы и леса; эти богоподобные существа возвели по границе континента множество опор и пустили по ним светящуюся реку, источавшую магию, и затем лишь поднялись обратно в небеса. И деревья погибли, реки иссохли, а поля утратили плодородие. И мир был мертв, но люди с этим не смирились. Возле самых крупных из опор

возвели выжившие люди три новые столицы, по одной на каждую сторону света, кроме запада. Одни лишь жители града Стремительного не возвели себе нового города, но расселились по небольшим крепостям, высоко в горах, а севернее его руин выжившие чародеи из Башни встретились со жрецами юга и провидцами востока, монахами запада; все они были ведомы одной идеей построения нового мира, а те немногие, что остались на местах решили восстанавливать свои родные стены, они решили заново обрести родину. Новые маги, встретившиеся на западе, провели собор, решили облачиться в белые одежды и назвать себя белыми магами, построить свою столицу, которая должна была стать главным городом на всем Едином континенте, столицей всех магов, и они подошли к этой самой огромной опоре, взобрались на гору Белое седло, что в высоту полторы мили, и решили здесь основать свой город, торжество своей мысли и плод своей воли.

Теперь близ этой опоры и расположен град магов, а опора есть вторая цитадель его, к которой запрещено приближаться кому бы то ни было, кроме белых магов, членов Совета.

Люди пришли со всех земель, выжившие хлебопашцы, что прятались в лесах, выжившие горожане, что прятались в руинах, выжившие воины, что затерялись в горах, отстали от армий, уползли от драконов, пожиривших их соратников живьем. Все они претерпели. Матери, что видели, как поедают их потомство, сыновья и дочери, родителей которых серокожие твари забирали в ночи на растерзание, крестьяне, что разбавляли хлеб с корой древесной, чтобы выжить. Все они стерли ноги в кровь, руки покрыли мозолями, глаза свои сделали пустыми, открыв в момент ужаса, незнакомого ранее роду их. Но все они остались живы. И пришли сюда, потому что маги построили новое пристанище для всех живых, которых теперь было меньше мертвых. Они искали спасения от толп серокожих тварей, что были лишены разума без своих демонических хозяев и бродили по безжизненным землям, пожирая все уцелевшее, пожирая друг друга, издавая душераздирающие вопли в ночи. И люди поклонились белым магам, которые обещали собрать их всех в новый народ, освященный магией, силой, прибывшей в этот мир в неизмеримом количестве, они обещали изобилие, рожденное магией. Эти люди были народом победителем, плавающим в море костей и останков, и они принялись трудиться, таскать камни, складывать из них сооружения, возделывать поля, предпринимать торговые походы в другие земли, где другие народы восстанавливали свои дома.

Теперь близ опоры возведены зиккураты, и они есть дворцы, в которых не живет кто бы то ни было, кроме белых магов и их прислуги.

— Этот наш друг весьма заинтересован в союзе, но выражает некоторую обеспокоенность, — говорил Исеп.

Вместе с Альтигеном они шли, накинув плащи по виадуку над широкой торговой улицей, покрытой тенью от стен из каменных блоков, что уходили ввысь.

Вечер близился.

Где-то вверху пролетела стая голубей.

Мимо проходили богатые жители, укутанные в роскошные тоги ярких цветов из парчи и шелка, одетые в золотые украшения. Жители же внизу были в простых серых и темных материях. Там стоял шум, вверху же было спокойствие и счастливые лица прохожих, мерно разгуливающих в свое удовольствие.

На крупных перекрестках, которых здесь было немного, стояли по углам пышные кокосовые пальмы, а у главного виадука, по которому и шли Исеп с Альтигеном, по краям росли зеленые кусты тропических растений, завезенных с далекого юга.

— В чем его обеспокоенность? — неохотно спросил Альтиген.

— Он желает сохранения мира и готов сотрудничать, если мы убедим его в наших мирных намерениях. Мы лишим уважения и доверия всю нашу фракцию, если начнем войну.

— Черное рыцарство никогда не нападет на Белый город, — ухмыльнулся Альтиген, — это безумие.

— И потому мы направляемся туда лишь для того, чтобы заверить его в том, — продолжал Исеп в быстром темпе, — этот маг обладает влиянием среди выходцев из Океанических врат.

— Мы имеем хорошие отношения с его родным городом.

— Да, я тоже думаю, что все будет хорошо.

Они подошли к тому месту, где виадук насквозь пересекает центральный зиккурат, это был тёмный тоннель, в котором было мало источал лишь противоположный выход.

— Каков он сам из себя? — спросил Альтиген, когда они оказались в полутьме.

— Южанин, весьма вспыльчивый и требовательный, с ним лучше вести себя спокойно, амбициозный.

— Думаю, мы поладим. Я ему подыграю и все будет хорошо.

На одном из верхних этажей зиккурата в просторной комнате с высоким потолком царил полумрак, каменные ровные поверхности, простая деревянная мебель без излишеств. Они лежали на диванах, а свет стоял среди распускающихся клубов ароматного дыма от зажжённых благовоний.

— Хм... откуда это? — спросил Исеп.

— Это с побережья южнее Нового храма, — не без толики самодовольства ответил Зеланд.

— Да, чудесное вино, — подтвердил Альтиген.

Они сидели в небольших деревянных креслах с кожаными спинками.

"все в этом городе такое простое и без излишеств, вот что значит, западный стиль..." — с удовольствием подумал рыцарь.

— Перейдем к нашему делу, — начал Зеланд.

Тогда рыцарь, перед тем как сделать глоток, метнул ещё один взгляд на своего собеседника.

Это был худощавый с бледной кожей и впалыми щеками человек на третьем десятке лет, черные его волосы были не стрижены, губы сжаты, а в глазах была погруженность в нечто важное. В целом от его лица веяло каким-то холодом, но холод это пылал в нем.

— Вы обеспокоены некоей военной угрозой со стороны ордена, который я, так скажем, представляю?

— Да, весьма обеспокоен, — манера речи Зеланда напоминала некую взвинченность, — честно сказать, мысли о возможном вторжении вызывают у меня страх.

— Я здесь для того, чтобы развеять его.

Исеп разлил по кубкам вино.

Тем временем рыцарь

— Прошу вас, развейте же этот страх, — он держал голову слегка наискось и говорил то быстро, то слегка затягивая слово, будто подбирая его, — я разделяю опасения Зэориса и был бы рад их не разделять, весьма рассчитываю на вас.

— Я уверяю вас лично, — Альтиген стал предельно серьёзен, понизил голос и стал говорить проще, — никакого нападения не будет, никогда. Черный орден, это организованное рыцарство, которое сейчас обеспечивает безопасность на огромных участках континента. Мы несем ответственность за спокойствие на торговых путях между важнейшими пунктами, мы обеспечиваем сообщение между Новым храмом и Золотым тронном, между Приютом и Новым храмом, между Приютом и Белым городом. И нам сейчас абсолютно ни к чему какие-либо потрясения, войны. Мы неприемлем враждебного отношения к Белому городу в своих рядах.

Больше скажу, я лично большой поклонник Белого города, я читал свитки, которые привозили для меня мои люди, я восхищен передовой мыслью Белого города, его некоторые идеи меня потрясают. Единый мир, сочетание севера и юга, я восхищен, если честно, размахом этой мысли. Поэтому, ни о каком вторжении не может идти и речи. То, что сказал сегодня Зэорис в Совете является не более чем бредом.

Завершив свою речь, Альтиген сделал глоток, насладившись сладким иностранным вином, почти не имевшим горечи в своем вкусе.

— Как я понял, вы хотите заявить, что у вас не может быть никакого интереса в том, чтобы военным путем воздействовать на Белый город?

Сделав паузу, рыцарь в упор посмотрел на мага и тяжеловесно произнес:

— Войны не будет.

Зеланд увел взгляд, закивал и затем повеселев сказал:

— Отлично! Что же... Но неужели у вас не может возникнуть интереса, или у вашей организации? Смею полагать, вы не один управляете орденом.

— Да, — Альтиген принялся со свойственным ему деловитым спокойствием, объяснять, — мы не имеем никакого военного интереса на землях близ Белого города. Орден также не имеет такого намерения, там это никому не нужно, за дела рыцарства отвечаю лично я, и я не намерен претендовать на какие-либо земли близ Белого города. Конгрегация находится под полным моим контролем.

— Мне приятно это слышать. — Зеланд стал несколько более расслабленным, — Да, я готов стать вашим союзником. Но учтите, что белое рыцарство не станет терпеть каких-либо поползновений. Нам, магам, важно благополучие города, но рыцари находятся за пределами города и не подвластны нам.

— С белыми рыцарями мы договоримся отдельно, — вставил Исеп, переглянувшись мельком с Альтигеном.

— Альтиор будет вынужден выслушать меня. Война... ну кому это надо? Черные рыцари хранят свое слово, иначе просто никто не пользовался бы нашими услугами.

Зеланд угрюмо глянул в пустой кубок, Исеп увидел это и налил ему из кувшина. Тогда маг улыбнулся, сделал пару больших глотков и, выдохнув, продолжил разговор:

— Что ещё я хотел обсудить... ну, как бы сказать, мне весьма интересно ваше мнение. Сейчас можно допустить, что я доверяю вам. Но вы не будете управлять конгрегацией вечно.

— Отчего же? — тихо произнес рыцарь и самодовольно ухмыльнулся.

— Никто не может править вечно, — с грустью сказал Зеланд, будто он сам уже сидел на каком-то воображаемом троне.

— Да, к сожалению, это так, разделяю вашу печаль по этому поводу, — сказал Альтиген и неслышно посмеялся.

— Я не печалюсь по этому поводу. Все в мире однажды родилось и однажды умрет, таков закон. Но, мы отвлеклись. Так или иначе, я хотел спросить о том, как соотносится с Белым городом ваша организация как таковая. Разумеется, лишь мы сами, белые маги, сможем ответить себе на этот вопрос, потому как это есть предмет исследований весьма глубоких, но что можете сказать мне вы, если я спрошу вас об этом вот так, в лоб?

Альтиген отложил кубок и по-доброму улыбнулся.

— Что такое Черный орден? Вы ведь застали мир до войны с чудовищами? Сколько вам лет?

— Двадцать восемь, если вам интересно. Да, я застал войну с чудовищами, будучи весьма молодым.

— Да? Кем вы были?

— Я служил в девятой когорте второго легиона Океанических врат. Мы были разбиты где-то на границе с альвийскими лесами, сейчас мне уже и не вспомнить, где это было. Но мы сражались весьма стойко и прикончили множество серокожих тварей в тот славный день!

— За победу на серокожими! — восторженно воскликнул Исеп.

Все трое чокнулись кубками и выпили до дна.

— Ну да ладно, я отвлекся. Так вот, вы же помните, как было до нашествия чудовищ? Люди владели землей. Богатые владельцы земель держали при себе рыцарей, сами были, по сути, рыцарями. Главным для них была земля, обладание землей. Сейчас земля не является хоть чем-нибудь ценным. Мир мертв. Люди сейчас представляют собой жалкое зрелище, они пытаются выживать в немногих убежищах и крепостях. Сейчас только Белый город превосходит по размаху города прошлого, смеет тягаться с ними мощью своей архитектуры и величию своей идеи, ведь город это, безусловно идея, без идеи не может быть города.

— Вы правы, именно так, без идеи не может быть ничего, — подтвердил Зеланд, видно было, что эта фраза Альтигена ему понравилась.

— Ну а раньше рыцари, как пауки в банке, грызлись. Сегодня земля не пригодна ни к чему... мы, рыцари, обеспечиваем безопасность тех немногих людей, которые выжили. Это то, что в принципе составляет сущность рыцарства сегодня, черного рыцарства в особенности.

— Да, но охранять всех не представляется возможным, — несколько больших глотков, — что, если однажды, вы уже обеспечите безопасность всех людей на континенте? Что же будут делать белые рыцари?

— Черные рыцари будут хранить это положение, исполняя свои обязанности так, как этого требует от них долг.

— Да, так бы вы могли сказать до войны. Когда наше общество ещё делилось на сословия, когда все было учтено и заведено ещё нашими предками, сын занимал дом отца и так далее. Но сегодня мир не таков. Теперь сословий нет... теперь люди пытаются выжить, мы вернулись к нашим самым древним традициям, мы прибегаем к строительству сложных порядков, по которым управляются сообщества.

— Верное замечание. Ученые ордена на самом деле также размышляют над этой проблемой. Значит... мы думаем о том, что восстановление прежне мира, ну конечно, уже не очень вероятно. Но люди есть люди. И в каком-то смысле мы возрождаем то, что нам уже знакомо. Никто сейчас не может сказать, каким будет новый мир, но нам, черным рыцарям, кажется, что он будет, в плане взаимоотношений между людьми, более справедливым и безопасным. Мы в это верим и прилагаем усилия к этому.

— Вы верите в стабильные границы? Мир сотрясали войны прошлого. Весьма ужасны были эти войны. Кровь... много крови. Столько славных людей гибли. Мой отец, командующий четвертой когортой первого легиона погиб, сражаясь с черным полком рыцарей Башни.

Альтиген откинулся на спинку и вздохнул.

— Это полк, в честь которого орден взял своё имя.

— Да... — Зеланд посмотрел в никуда. А потом вдруг резко вновь обратил взгляд к собеседнику.

Исеп зажег ещё несколько палочек, чтобы приятный аромат не покидал комнату.

— Мир изменился, — продолжил рыцарь после недолгого молчания, — мир изменился, и теперь, конечно, общества будут делить мир, а правители будут хотеть большего. Но делить они будут не территории, это становится ясно каждому, кто выходит за пределы убежища. Мы, с моими рыцарями бываем в пустошах, бываем в горах и видим, что происходит там, как выглядит мир.

— Что ж, наступает эпоха нового соперничества! — вдруг снова повеселел Зеланд.

"Какой же ты нервный, интересно, не били ли тебя в детстве?" — сказал про себя Альтиген.

И снова короткая пауза.

— Что вы сами, если не секрет, думаете о... философии вашего города? О, так называемой, идее? — спросил рыцарь.

— Столица мира, магический народ, новый мир, — отчеканил Зеланд с восторгом, — это же великолепно. До войны с чудовищами ни о чем таком и думать было нельзя. Это подвиг. Это предначертано природой! Никакой воли, даже многих людей, не хватило бы, чтобы соединить одновременно в одном месте так много людей, думающих единым образом. Я верю, это повеление природы, — глаза Зеланда вспыхнули, — судьбой предначертано строительство этого города, уже ничто не сможет остановить объединение мира под его властью. Ничто.

— Я охотно верю в столицу мира, и, кстати говоря, здесь ещё один момент, по которому я бы хотел пройти, это объединение под Белым городом всех остальных городов. Черному ордену это не грозит, так как мы занимаемся безопасностью переходов между городами, и нам, по сути, не важно, кому принадлежат эти города, кто в них правит, только если эти правители не проявляют к нам враждебности. — Он прервался, немного задумавшись, — Но, что касается, идеи магического народа, мы её не разделяем.

— Вы сомневаетесь в создании нового народа под предводительством белых магов? — малость напыщенно изумился Зеланд.

— Черный орден не считает это возможным, — смягченно ответил Альтиген.

— Я слышал, маги черного ордена считают, что простым людям доступ к магии воспрещен, что её сила должна быть сохранена лишь в руках немногих избранных.

— Маги черного ордена считают, что магия опасна для людей. Поэтому они не берут учеников. Конечно, это является, своего рода, высказыванием против идей белых магов о воспитании нового народа, но черные маги не противятся этому, и никто из них не помышляет о том, чтобы исходя из этих мыслей хоть что-нибудь предпринять. Черные маги же люди старого мира, они, так скажем, чужды земному, мыслят о других вещах, их не интересуют государственные дела.

— Рано или поздно это повлечет вражду. Было бы весьма грустно видеть, как люди истребляют друг друга на фоне всеобщего запустения, среди умирающей природы.

— Да, будем надеяться, что это никогда не случится, — Альтиген сказал это безрадостно.

— Да придёт мир между нашими народами, — тихо произнес Зеланд.

— "Получилось хорошо весьма," — думал первый, лежа на диване в центре главного зала пригородного дома.

Лунный свет проникал через щель среди штор.

Десять в своих латах сидели в комнате по углам, держа свои мечи при себе. Из лат они не вылезали, их мертвые, пропитанные магией, тела не испытывали тех затруднений, какие беспокоили живых людей.

Один из десяти наточивал меч, проводя маленьким камешке вдоль лезвия, медленно и заботливо.

— Эдмонд, — назвал его Альтиген по имени.

— Да, ваша светлость?

— В порядке ли твой отряд?

— Да, ваша светлость.

— Мы скоро уже уйдем отсюда.

— Ясно, ваша светлость.

— Завтра ты пойдешь со мной. Мы встретимся с этим уродом, Альтиором.

— Ваша светлость желает взять нас на встречу?

— Да, мне нужна будет охрана. Конечно, вас всего десять, и никто не станет убивать нас, но... Альтиор все же обычный человек, может вспылить почем зря, у меня мало доверия к нему.

— Мой меч с вами, ваша светлость.

— Отлично, Эдмонд.

В мутных зрачках черного рыцаря блеснул огонек разума, словно сквозь мертвую слепоту его глаза вновь были живыми, но лишь мгновение.

—

У неё были длинные рыжие волосы.

Она стояла под сенью широко посаженных кипарисов на краю виадука, что огибал по краю самый северный зиккурат, и смотрел вдаль, одетая в бордовую столу, без украшений.

Эвлалия её имя. Худой вытянутый лик, на нем выделялся прямой нос со вздернутым кончиком, от него к низу прошли складки, четко очерчены аккуратные губы, поверх всего этого был рассыпан букет веснушек.

И высветленный рыжий осенний лес на фоне сизых угрюмых гор...

Там, на склоне была роца, сохранившая жизнь, на неё падал всегда свет магистрали. Тайком сбегая туда, она могла видеть там оленей, никогда не видевших человека, такие, каких не было.

Это был островок жизни возродившейся, но будто возникшей вновь, словно предыдущей и не было, такой первозданный был дух этой роцы.

С печалью Эвлалия смотрела туда.

Кроме того места, все остальное было охристо-серой пустыней, испещренной черными лесам обгоревших, сгнивших стволов. Сухая трава, камни и ветер.

Наверное, она бы сбежала, но бежать не куда.

Бежать в пустоту нельзя. Бежать можно от людей к другим людям, человек не перемещается среди мест, он перемещается среди людей, только это имеет значения. Ведь любое место создаётся людьми. Эти горы больше не живописны, от их вида хочется лишь сесть и безутешно реветь.

— Простите.

Вздогнула.

Обернувшись через секунду, Эвлалия видит перед собой неприметного человека в черной тоге, выделяется лишь твердый, целеустремленный взгляд и светлые волосы.

— Вам тоже грустно здесь?

Он заговорил мягко, но чрезмерно чётко, и слова его были, как изгибы шёлковых тканей:

— Я давно убил в себе грусть. Мне хотелось бы узнать вас. Я увидел вас со спины, но мне хватило этого понять, что мой интерес, вспыхнув сейчас, уже не угаснет.

Она разглядывала человека, плохо скрывая свое волнение.

— Как вас зовут?

— Альтиген.

— Моё имя Эвлалия.

— Кто вы, Эвлалия?

— Простите?

— Я привык задавать вопросы прямо. Меня интересует, кто вы.

— Я жена префекта этого города, — произнесла она с печальным спокойствием.

— Как опасно я ошибся, — отшатнулся Альтиген, на мгновение сверкнув глазами.

— Вы не ошиблись, — Эвлалия злобно ухмыльнулась.

— Мне пора идти.

Рядом из-за деревьев возникли четверо воинов, вежливо прогремев своими воронными латами, мутный взгляд их испускал холод раздраженного безразличия.

Они приблизилась и тихо прошептала:

— Заброшенная башня на самом краю западной террасы, не ошибетесь...

И двое разошлись.

Прекрасные сады.

День.

Солнце в зените.

Мощнейшие дубы раскинулись здесь одиноко, меж них травяные просторы, усеянные яркими цветами, высаженными в закручивающиеся узоры.

Сад состоял из динамичных террас, приземистые откосы которых были облицованы кирпичом, утопающим в плюще.

Поднялись пёстрой стаей птиц и упорхнули с пением, столь пронзительным в этой тишине, нарушаемой лишь грохотом доспехов.

Пройдя по широкой мраморной тропе, Альтиген во главе четырех черных рыцарей прошел к площадке, где его ждал Альтиор; по бокам от него стояли также четыре рыцаря в белоснежных латах, вооруженных позолоченными алебардами, а за спинами их развивались алые плащи.

Засуетились немногие слуги, поставили деревянные кресла, небольшой столик, внесли и разлили по серебряным кубкам вино.

Альтиген сел и расслабился...

Пели птицы, свет солнца здесь проникал лишь немногими лучами.

Пекло медленно проникало в усталые мышцы.

Черные рыцари безмолвно стояли своей стальной колоннадой позади.

— Приветствую, префект конгрегации по делам рыцарства Альтиген.

— И я приветствую тебя, император Альтиор.

— Как всегда приятно слышать, как произносят твой титул при приветствии! — заулыбался Альтиор.

— Понимаю, — улыбнулся в ответ Альтиген.

— Вино?

— Нет, это мёд. Конечно мёд, обычно я не пью вина. Но перед сладким мёдом устоять не могу.

Но вот суета прислуги осела, как пыль, оставив двух, едва ли не самых важных человека на континенте, вдвоем, не считая ближайшую охрану, к которой те привыкла, как к самим себе.

— Ну а как же сладкое южное вино?

— Расслабься, Альтиген, сама природа здесь услаждает и пьянит.

— И то верно.

Далеко, за спинами Альтиора, там, где граница сада обрывалась, развевались на ветру знамёна, десятки знамён.

— Что это там? — спросил Альтиген.

— Там? — лицо Альтиора озарила очередная самодовольная улыбка, — Пройдемся, я покажу.

И они встали и пошли, а рыцари остались недвижимы.

Подойдя к краю сада, поверхность которого обрывалась высоким ровным откосом, огражденным белыми гипсовыми перилами, уходящими вдаль в обе стороны. А пред ними предстало сверкающее белое войско.

— Три тысячи отборных воинов, пронизанных магией, как сама магистраль! — гордо отчеканил император, — Мощь, с которой не сравнится ни одно воинство мира!

Ветер.

Блики.

Воинственный шелест пик и знамен среди них.

— Весьма впечатляет, — в своей мягкой манере произнес Альтиген.

Три тысяч рыцарей в белоснежных латах, вооруженных длинными позолоченными пиками.

Император приподнял руку с открытой ладонью.

Все как один человек, белые рыцари воткнули пики в землю и сделали выпад на одно колено, застыв одной сплошной массой стали, ошестинившейся тремя тысячами наконечников. Они светились на солнце, их латы пылали под его прямыми лучами.

Альтиген созерцал войско.

Белое рыцарство. Воплощение властных устремлений величайшего города из всех, что были до сих пор построены на Едином континенте. Одинаковые, стоящие идеально ровными рядами, теплый ветер скользил меж них, шлема, закрывшие лица, не выражали ничего.

— Я видел подобные воинства лишь до войны.

— Да. Но и это лишь часть той мощи, которую составляет белое рыцарство.

— Я бы предпочел иной цвет.

— Как и я, — он вдруг обратил проницательный взор к собеседнику, — но меня уже давно нет, есть лишь император.

Они развернулись и стали углубляться в сад.

— Всех нас скоро уже не будет, — Альтиген издал грустный смешок, — одни должности останутся. Когда же править будет люди?

— Должность есть квинтэссенция настоящего человека, не этой рабской толпы, которую мы обманом заставили построить нам эти зиккураты, но настоящего человека.

— У меня давно нет народа, только соратники, но я не стал бы называть свой народ рабами.

— Каменные стены угнетают. Я никогда не любил города, если быть честным. Поэтому я выбрал путь рыцарства. Мой отец создал этой войско, когда город только строился. Я все ещё молод, и был ещё моложе тогда. Он хотел, чтобы я пошел в маги, чтобы одел белую мантию. Я не послушал, хотел сражаться верхом, чувствовать ветер. Лошади вымерли... теперь ездой не насладиться, но поля все ещё радуют ощущением свободы.

— Мертвые поля, - добавил Альтиген.

Некоторая пауза.

— Твой отец жив?

— В моем сердце он всегда жив, - немного помолчав, он добавил, — Захоронен в стенах центрального зиккурата.

— Мне жаль.

И тогда Альтиор словно устал от этой приличной беседы:

— Это пройдет, а вот что будем делать с нашими разногласиями?

— Наши разногласия являются плодом отсутствия ясности. Ну кому это все нужно? Давайте честно распределим, мы уйдем на север, вам останется юг.

Альтиор жестом попросил время на раздумье.

Возникла пауза.

Они все также прогуливались по мраморной тропе, огибающей сад.

Когда Альтиген посмотрел в сторону, то увидел оленя. Вот это его удивило. Но он не стал ничего говорить, лишь мысленно ухмыльнулся.

Подул прохладный ветерок, на востоке показались тучи.

— Я... — и маска его лица приобрела обаяние амбициозности, — Я много думал об этом и... Новый мир ещё не понят нами. Слишком многое произошло. Белый город велик. И его величие не в рыцарской доблести, отнюдь. Однажды обретенное величие обязывает нас быть сильными. И мы должны быть достаточно сильны, чтобы не воспринимать своих соседей, как угрозу.

— Ты демонстрируешь мужество настоящего воина, — серьезно сказал Альтиген, — мы не тронем друг друга. Ведь так?

— Не тронем. Хищник не убивает другого хищника.

Они пожалели друг другу руки.

"Да, ты меня понимаешь. Кажется, ты начинаешь смекать," — с удовольствием думал Альтиген.

— Скажи, может ли чёрное рыцарство рассчитывать на более тесный союз?

— Союз?

— Да. На самом деле, при соблюдении за нами определенной свободы, мы бы с радостью подняли белое знамя. Конечно, это случится не завтра, и даже не в следующем году, но однажды.

— Да, однажды каждый рыцарь на континенте встанет под белое знамя, — произнес Альтиор и самодовольно улыбнулся.

Шел одиннадцатый год после окончания войны с чудовищами и строительства магистралей.

Горстка рыцарей в черных латах покидала город. Они спускались по той же самой тропе, по которой и пришли сюда. Твердо шагали бронированные ноги, шумела сама броня.

В этот день дул сильный ветер, и по зелёной траве расходились волны.

Солнца не было видно за пасмурными тучами.

Одиннадцать уходили, а значит светило не будет их провожать. Альтиген обернулся. Он увидел огромный столб света, в котором пребывал город. Свет падал лишь там, а кругом были извечные пасмурные небеса, в этом году они вряд ли вновь разойдутся.

"Снова наш мир... весь мир за стенами этого города наш," — подумал Альтиген.

Глава II. Тигры в руинах

Мечь.

Большие ничего его не интересовало с того мгновения.

Ночь.

Зима.

Где-то между городами Новый Храм и Приют.

Вьюга воеет, призывает всех, кто умер...

Ни луны, ни звезд.

Обычная ночь на континенте теперь очень мрачная, едва заметные расселины проблесков в тёмных небесах.

Иногда небо могло озариться зеленовато-перламутровым сиянием, огибающим клубы висящих туч.

На уступе горы, разделяя тропу, идущую вдоль крутого склона на до и после, стоит вытянутый каменный чертог без окон, с воротами на севере и воротами на юге. Внутри это был один сплошной длинный зал, прогреваемый многими огнями в полу.

Здесь в тесноте ютились вместе с людьми буйволы, восточные двугорбые верблюды и ослы, ставшие большой редкостью. Торговцы, отчаянные ребята, спасли прямо в шубах, ели сухари, пили воду и впадали в сон, чтобы утром встать и пойти извилистой горной тропой, преодолевая весь ужас путешествия на высоте. Больше никто не будет пренебрегать этой профессией, она едва ли не опаснее воинского ремесла.

Тихо перешёптывались купцы:

— А там, у Лысого Антония, который держит приют перед самым Новым храмом, слышал?

— Что у него?

— Монстры ночью напали, — пояснил кто-то с выражением полнейшего всезнания.

— И чего!?

— Убили многих. Беда тому приюту.

— Да не может быть! — взволнованно.

— Не хошь, не верь... а только теперь там процветает Скупой Марк, брат его. Он поди и открыл ворота. У него приют был по левой тропе, там две тропы огибают последнюю вершину, вот с одной стороны этот был, с другой...

— Да кто ж пойдет теперь той дорогой... горе нам, бедным продавцам...

— Да заткнитесь вы, спать мешаете! — гаркнул кто-то.

Расслабляюще потрескивали костры в каменных очагах.

В этом чертоге стоял караван. И охраняли его черные рыцари. Два десятка их стояли недвижимо вдоль стен, поставив полторные мечи пред собой, сильные руки их покоились на рукоятках.

Словно ожившие латы они присутствовали здесь.

Но эта ночь не будет спокойной.

Открылись южные ворота, с тропы, ведущей от Нового Храма, зашли пятеро в белоснежных латах и закрыв с трудом двери за собой, положили тяжелый засов. Будто обычные путники.

И развернувшись, они деловито высвободили из ножен свои мечи и уперлись взглядами в стражников каравана, один из которых еле заметно повернул голову.

Один из белых рыцарей направился к нему.

— Ну что, черная падаль, отведаешь стали!?

Одновременно они сделали выпад...

И лязг стали разошелся под сводами чертога.

И девятнадцать черных латников ожили мгновенно и ринулись к белым, что встали цепью у дверей.

Проснулись ослы, и заревели буйволы, поднялись все торговцы, ошарашенные они пятились к стенам и удерживали испуганных животных. Тупорылый шум заполнил помещение.

Свет пламени игрался на полированных доспехах.

Из-под черного шлема одного из рыцарей послышался ироничный хриплый голос:

— Вы зря пришли, но теперь вы зря не уйдете.

— Мы не зря пришли и теперь точно не уйдем, — парировал белый рыцарь.

— Но что точно напрасно, так это то, что вы изволили пожаловать к нам ночью, — вновь произнес хриплый голос.

Рука в латной перчатке сделала неясный жест.

Костры погасли.

Белые рыцари слегка дрогнули и оступились, прижавшись к воротам.

Теперь во тьме лишь притаившиеся встревоженные скоты и простые люди, трепещущие от ужаса то ли перед теми, кто на них напал, то ли перед теми, кто их защищает.

Но постепенно во тьме засветились красноватым мечи стражей каравана и желтоватым доспехи пришедших сюда воинов Белого города.

Один из рыцарей поднес повыше и отсвет пал на его мутные, расплывшиеся глаза, которые он демонстрировал врагам. И воины Белого города видели переливы магии в его глазах, ощущали пульсирующую в них силу, незримую для обычных людей.

Тишина.

Лишь выюга все также стонала за толстыми стенами из песчаника.

Тогда на груди одного из рыцаря ярким белым светом вспыхнул кулон, маленький шарик, словно маленькое солнце зажегся в этой темноте, своими лучами заполнив своды и дальние уголки чертога.

— Свет развеет тьму, белые рыцари развеют черный прах, — громогласно заявил рыцарь. И тогда пятеро ринулись в атаку.

Рубка.

Волны искр.

Лязг металла.

Ни единого крика, лишь грудями лат один за другим падали черные латники. Белые рыцари ударами невероятной мощи мяли им доспехи, сносили головы, отрывая их вместе со шлемами, и поломали все свои мечи, но они брали раскалённые клинки поверженных врагов и шли дальше, пока все защитники каравана не были повержены, кроме одного.

Он все также стоял, держа раскаленный меч у собственных глаз. И тогда в расплывшихся зрачках его мертвых глаз мелькнула недобрая искра.

Меч его раскалился добела. И тогда он уже ступил.

Пятеро кинулись на последнего, и пали все за одним, от пяти спокойных ударов, разрезавших их белые латы и плоть под ними, словно масло.

Костры зажглись вновь.

Торговцы впали в ужас, увидев десятки грузных трупов, одетых в доспехи.

Один из дружественных трупов ещё шевелился, магия не истекла из него. Захрипев, тот поднял шлем во полумраке угла и выплюнул немного своей густой бордовой крови.

— Жив?

— Ну, как и все среди нас, — отшутился выживший воин.

— Ступай в Приют, скажу, что белые на нас напали.

— Да, милорд.

Отчаявшийся от увиденного купец, что был главой каравана, сделав пару шагов к рыцарю пал без сил на колени и молвил:

— Боги, сэ, сможете ли вы защитить нас?

Тогда черный рыцарь развернулся и ответил:

— Все, что встанет предо мною на этой тропе, умрет.

—

Мечь... Мечь. Мечь!

Идя по длинному коридору, Альтиген испытывал злобу, невыразимо огромную злобу. Они пожимали друг другу руки, они договаривались. А что он? Он думал, его приняли за серьезного человека, он думал, что Белый город новая столица мира, но оно оказалось лишь гнездом коварных подонков, которые прячут нож за спиной, улыбаясь в лицо, людей без чести и достоинства.

"Руки... мы пожали друг другу руки... Боги, я думал он рыцарь! Конченный мужеложец..." — говорил про себя Альтиген и молнии гнева искажали его лицо.

Припадок гнева стал отступать, словно море во время отлива, волны злобы оставляли после себя воздушную пену, таявшую в его мерном дыхании.

"Ублюдки, скотоложцы... Ладно. Держи себя в руках, Альтиген, держи себя в руках," — продолжал он мысленно успокаивать себя.

В окнах с одной стороны коридора была видна внутренняя застройка замка, кузницы, дома прислуги и прочее. Окруженная высокой стеной, стоящая на вершине холма, это была могучая крепость. Глубокий ров, толстые стены с уклоном и широкие круглые башни с нависающими надстройками, высокая цитадель, окруженная дополнительным рвом.

Теперь люди могли жить только в таких глубоко укрепленных местах. Потому что вся остальная местность была в безраздельной власти тварей, столь мерзких, что на них и солнце не светило бы, если бы чувствовало подобно людям.

Но если солнце и чувствует, то совсем иначе...

В тронном зале замка его ждали владельцы окрестных крепостей и высшая знать, правившая в граде Вольном, самом большом замке между Приютом и Белым городом, возможно самом большом и укрепленном замке на всем Едином континенте.

Град Вольный. Эта крепость была ближайшей к Белому городу и её многие из знати её открыто выражали желание присоединиться к Белому городу, пойти на поклон к белым магам. Альтиген знал обо всём этом, и новость о нападении белых рыцарей бросала его в жар, теперь он резко ощутил, будто попал в логово врага.

Коридор закончился.

Вдох, выдох, вдох...

Вновь твердый, целеустремленный взгляд.

Бодрые его шаги уже слышались в зале, где он прошел к красивой резной трибуне, украшенной фигурами львов и хлебных колосьев. Зал был завешан синими тканями с золотыми парчовыми добавлениями, горело великое множество свечей. Несколько сотен сидели здесь.

Местная знать была одета в кафтаны ярких цветов, на головах их были меховые шапки, а вместо бороды они любили носить длинные водянистые усы, что на вкус Альтигена смотрелось забавно, сам он был чисто выбрит и коротко острижен по моде Белого города.

Руки он положил на трибуну и опустил голову ненадолго, затем только явил залу свои глаза, твердость в которых была слегка смазана обидой.

— Я приветствую всех. Дай мне слово, господин Град Вольный!

Прозвучали сдержанные рукоплескания.

— Этим утром прибыл гонец из Великого Приюта. Мне сообщили, что белые рыцари напали на наш караван. Ночью, когда все спали, они пришли, и только бдительность и мужество черных рыцарей не дали каравану погибнуть, — сперва он говорил быстро, но позже темп выровнялся, — Этот вопиющий случай не останется без внимания. Ранее я также получал вести о том, что белые рыцари нападают на наши караваны на севере, поджигают стоянки, всячески препятствуют свободной торговле между городами, — Альтиген чувствовал удивление, растущее среди слушающих, — это неприемлемо. Считаю нужным заявить о том, что Белый город, совершив это вероломное нападение, ставит ни во что-то согласие, которого мы между собой достигли. Наш орден всегда хранил мир и спокойствие, вверенные ему многими крепостями и убежищами. И мы не допустим никакой угрозы по отношению к ним или к нам самим. Верю, что честь и твердость слова восторжествуют, как основы отношений между людьми в новом мире. Грубая сила больше не должна быть принципом, по которому выстраиваются отношения между народами и организациями.

Завершив свою речь, Альтиген отошёл от трибуны и вышел по тому же коридору, оставив зал в лёгком смятении.

Смешанные эмоции вызвали эти слова.

Знатные люди, местные старейшины и пользующиеся влиянием волшебники шептались между собой.

С одной стороны, они были печально удивлены вестями о злодействах, чинимых белым рыцарством, которые в их глазах выглядели кошмаром, происходящим в пустыне, где люди пытаются выжить, как только могут и не должны друг друга добивать, с другой стороны, они слабо верили в это и не знали, что им думать, потому как белые рыцари защищали караваны, которые жители Вольного сами отправляли в далёкие юга, и каковые всегда возвращались в целость и сохранности, приумножая богатство родной крепости.

Когда-то давно град Вольный был отвоеван Башней у Стремительного и позволял совершить прямой марш по ровной дороге, пролегающей в низине, меж двух хребтов.

И теперь по ней же можно было выйти и на Белый город. Такая близость и такое значение, какое они имели друг для друга, не оставляли сомнений в том, что они у них будут крепкие связи, и что Вольный падет под влияние Белого города.

Никто не слышал ни о каком союзе, между орденом и городом, что также вселяло сомнения в речах Альтигена.

Он понимал, что речь его произвела неважное впечатление, что все это отстранит эту крепость от него, потому что мало кто захочет встать на одну из враждующих сторон, особенно в такое тяжёлое время.

Мир не был прекрасным местом для людей и уже не будет, и люди больше не хотели истреблять друг друга. Они видели всеобщую гибель с высоких стен, за которыми укрывались от монстров, что заполнили земли, видели горящие глаза во тьме, пока те бродили, желая сожрать их, выли, кричали, скребли гладкие камни стен. И теперь абсолютным кошмаром сверху на все это должны были сойти рыцари, воины, овеванные магией, гораздо более страшные, чем любой монстр, изнывающий от собственного разложения.

—

В Белом городе почти всегда светит солнце.

Верхний этаж зиккурата, узкие длинные окна плотно расположены в ряд.

Полумрак, разрезаемый полосами света.

На диванах, повернувшись к окну, полулежат Зэорис и Зеланд. И большие ничего и никого.

Тяжелая деревянная дверь этой небольшой комнаты закрыта на засов, снаружи стоит стражник в легкой стёганке и с кинжалом за пазухой, хотя оружие в зиккуратах запрещено.

Тишина.

— О чем же ты хотел поговорить со мною? — спросил наконец Зеланд.

— Орден.

Снова тишина.

— Все мы грезим о нем, брат Зэорис, но скоро ли это случится?

— Скоро, брат.

— Но откуда ты это знаешь? — в ироничном тоне спросил Зеланд.

Короткая пауза.

— Война.

— С кем? — Зеланд встрепенулся, — с Черным орденом?

— Да. Это единственная на континенте растущая сила, кроме Белого города. И, естественно, я ожидал, что они бросят нам вызов. Ещё в том году, я говорил об этом на заседании Совета, но кто тогда меня послушал?

Зеланд поднялся и сел прямо, голос его стал жестким и предельно серьёзным, он опустил на пару тонов:

— Появились сведения, доказывающие приближение войны?

— Белые рыцари уже несколько недель провоцируют орден по всему континенту. Недавно, таки, сожгли один приют у самого Нового храма. Там было много черных рыцарей, эти уродливые ублюдки выжили, но караван погиб. Донесения братьев из разных приютов и крепостей говорят о том, что за стенами города война уже идет.

— С чем это связано?

— Альтиор оказывает нам услугу, сам того не понимая. Этот дурак ввязывается в то, что сам даже понять не может. Я тебе больше скажу, ни белое рыцарство, ни орден не готовы к этой войне.

— Они не возьмут город никогда. Немыслимо.

— Город то, конечно, никто не возьмет. Всех армий континента не хватит взять его. Но внешних потрясений хватит, чтобы расшатать его изнутри. Черный орден никогда не станет нападать на нас так, его верхушка тоже не дураки, они владеют почти всеми торговыми путями.

— Это значит, что мы окажемся взаперти.

— Да, да, в ловушке собственного величия. Построили свои пирамиды? Ну и сидите в них теперь... — Зэорис усмехнулся.

— Ладно. Ближе к делу. Ты считаешь, пора начинать готовиться? Кто что думает по этому поводу?

Зэорис также сел и принял серьезный вид.

— Дай клич, пусть предводители приходят в крепость Змеиная нора из Вольного и из Золотого Трона, из всех крепостей к югу отсюда. Через месяц собрание. Я буду выступать. С Исепом я уже разговаривал, он проголосует за наш курс, Протелеон также даст согласие. Осталось поговорить с Эвлалией. И тогда почва будет готова.

— Напомни, где она?

— Это... самый север бывшей области Стремительного. Рыцарей там не будет, все будет хорошо.

— Великолепно. Наши люди согласны, но что скажут остальные. Готовы ли они шагнуть за ту грань, где простой заговор превращается в настоящий новый культ?

— Они окончательно примут решение о том, чтобы к нам присоединиться, как увидят, что в городе начинается настоящая борьба. Когда работать можно, тогда люди тянутся.

— Совет отреагирует. Рыцари узнают. Братья из крепостей думают об этом.

— Верь мне, я тоже думаю об этом. Не дня, когда бы я не думал об этом, когда бы не искал возможности к появлению на свет нашего ордена. Но нужно смириться с тем, что мы достигнем этого только кропотливой работой.

— Совет.

— В Совете у нас Протелеон. Он один стоит всего Совета.

— Совет, брат Зэорис...

— Моя фракция, фракция Исепа. Мы прикрыты сверху.

— Проект ордена?

— Я уже подготовил. Мы рассмотрим его на собрании, — он посмотрел в сторону и задумчиво продолжил, — они признают. Должны признать... мы не решим наших задач простым заговором. Нам никогда не добиться в Совете нужно числа голосов... В ворота зиккурата не достучишься.

— Брат Зэорис, мы их сломаем, — злорадно сказал Зеланд.

— Да... врата мы проломим. Но что будет когда зайдем... ой, что будет... — его лицо преобразила приятная ухмылка.

— Мы наконец-то оформимся в полноценную фракцию, — произнес он с полным чувством торжества и, глубоко вдохнув, устремил взгляд в будущее.

— Все присутствующие поклонятся, и мы увидим появление третьей силы на континенте! — бодро произнес Зэорис, в его глазах тоже сверкнул тот самый огонек, — Серый орден!

Эта война даст нам шанс. Белые и черные рыцари вгрызутся друг другу в глотки, как псы, а мы наконец, как говорится, расправим плечи!

Уже сумерки сгущались.

Они не успевали дойти до приюта. Град Вольный был уже близко. Страх подгонял их.

Какие-то несколько миль. Они шли по пологому склону невысокой горы, и когда бы обогнули её, то увидели бы на перевале большой укрепленный замок, стены которого укрыли бы от той угрозы, что несёт тьма.

В горах, лесах и полях не было теперь безопасно никогда. Монстры бродили там всегда. Но ночью они особенно зверели и начинали бродить по горам, особенно выискивая людей.

И красные глаза мелькали огоньками в черноте.

Красный, цвет их души, носившей отпечаток демонической силы.

Шел караван состоял из десятка повозок, запряженных волами, везущий с севера партию магической руды; черные рыцари охраняли его, их железные сапоги вздымали клубы пыли в ночи, среди клочков жухлой травы этого захудалого края. И лишь луна давала блики на вороных латах...

Не слышно монстров.

Чудовища не выли.

Слишком спокойно было все.

Чувствовали это купцы, чувствовали это и рыцари.

А солнце тем временем село. Синие горы, синяя низина, черные небеса.

Один из неживых латников остановился. Мутные его глаза вдруг стали выхватывать нечто в этом размытом темнотой пейзаже.

Когда в небе ярко вспыхнуло магическое зарево, обрамляя тяжелые облака и освещая низину. Тогда взгляд выхватил человеческие фигуры, обернутые в плащи, цвета самой тьмы.

— Нападение! — раздался болезненный голос из-под шлема.

— Ко мне! — скомандовал тогда старший из черных рыцарей.

Неживые латники собрались в одну ровную линию и пошли вниз по склону, оставив двух своих в начале и в конце каравана.

Тогда люди в спешке забрались на повозки или стали залезать под них, прятаться между ними, выхватывали в страхе мечи и кинжалы, но все что они могли теперь, это только наблюдать.

Черные рыцари шли вниз по склону широкой цепью.

К ним навстречу поднимались люди, завернутые в плащи, они сдирали их с себя, обнажая белёсые доспехи, оголяли клинки и шагали вперёд. Это не было похоже на обычное стремительно нападение.

На полумертвого уроженце полей воинской гибели нельзя было также стремительно напасть, как на человека, они чувствовали мир, и они их нельзя было так легко убить, ведь они были сплошной броней, а под ней лишь мертвым телом.

Они все шли, а всполохи магических выбросов под небосводом мерцали над ними, проводя по их полированным спинам пёстрые отражения.

И наконец они сцепились.

Летели искры, вспыхивал свет, красный, белый. Из каравана плохо было видно, что там происходит. Вдруг, там загорелись огни, сухая трава догорала.

На фоне огня возвращались черные латники, кто волоча перебитую ногу, кто без руки, помятые и поломанные, и было их чуть больше десятка. И половины не уцелело в страшной рубке.

Один из них подбежал к голове каравана и вознес руку вдаль, проведя ей вдоль горизонта, и склон запылал огнем, словно по его желанию, словно под его взором заискрился воздух.

Торговцы молились своим богам, кто каких помнил, кто каких мог вспомнить в этом ужасе.

Среди бушевавших языков пламени виднелись враги, облаченные в светлую броню. Они страшились неясного огня, что вдруг стал обретать зеленоватые оттенки. Едкий дым вдруг поднялся стеной. Караван дрогнул.

— Мы не уйдем отсюда... — хрипло сказал полуживой латник без руки.

— Ты рыцарь или грязь? — возвысил голос старший из латников.

— Я грязь, ставшая рыцарем! — ответил однорукий.

— Сейчас снова станешь грязью, если мы дрогнем.

Черный рыцарь этот, как демон ярости метался вокруг караван и поджигал одним своим взглядом землю. Но долго она гореть не могла. Дым развеивался.

Белые рыцари беспокойно бродили вокруг. Их было много.

Но монстры так и не появлялись... а черные рыцарь рассчитывал на это.

— Кровь... моя кровь... — совсем сипло промолвил однорукий и пал на колени, затем тяжело рухнув в пыль подле одной из повозок.

Торговцы слезли и окружили его, они стали дергать его, осматривать рану, но тот уже не шевелился.

— Я не умру, ублюдки, — бурчал он из-под шлема, — я и так мертвец, оставьте меня здесь...

— Поднимите его и положите в телегу! — крикнул старший.

Огонь тух, но тот держал его в неистовстве, тратя последние капли своего гнева, пропитанного магией. И, быть может, его ярости хватило бы, чтобы сжечь весь мир, но магия стремительно покидала его тело. А взять её из руды он не мог, у него не хватило бы времени...

И вот белые рыцари уже стали перешагивать через затухающие язычки пламени, стелющиеся к горелой почве.

— За город! — раздался клич.

Последние полуживые латники ринулись в бой.

Белые окружали их, рубили их раскалёнными мечами, опрокидывали и снова рубили, пока не плавил доспехи и не разрубали на куски.

Затем они двинулись на караван и стали опрокидывать телеги.

Нашедшие позже это место следопыты черного ордена скажут, глядя на этот разгром, что нападавших не интересовал ни товар, ни сами торговцы, что это было ужасное и бессмысленное нападение и расправа над живыми людьми.

Но той ночью, пока они ещё были живы, они бежали, их слабые тела пульсировали ужасом, но они бежали по склону на верх, вперёд по дороге.

Белые рыцари уже не гнали за ними. Уже слышал их чуткий слух рвение перепонки, скрежет когтей и стук клыков. Серые тени мелькали в массиве тьмы.

Люди эти растворялись в темноте.

И темнота растворила их в себе...

—

Сложно было работать в Белом городе.

Какие-либо попытки распространять бумажные материалы или хотя бы завести с кем-то разговор упирались в недоверие и озлобленность.

Люди, жившие здесь все ещё в большинстве верили в идеи, провозглашенные магами десятилетия тому назад. Эти люди пережили то, что не видело ни одно поколение до них, и вряд ли увидит любое последующее.

С утра они умывались кровью близких своих, а вечер, скрючившись от боли роняли засохшие корки хлеба из рук своих, услышав, как серокожие твари пожирали кого-то из их родных, отрывая конечности и откусывая куски мяса пока те ещё были живы. Затем поля, где ветра пронизывали их, продували одежду, кожу, кости, казалось, ветер владел ими, и они уже не знали, ничего кроме этой степи, холодный ветер уносил прочь все их прошлое. А потом холодные леса, где они укрывались...

Только самые крепкие и сильные выжили, только те, в которых сама кровь текла по жилам несмотря ни на что, а сердце продолжало делать удар после удара, который должен был стать последним, глаза смотрели до конца, отражая весь ужас. И наконец ночь прошла, и эти глаза раскрылись однажды, увидев небо.

И каждый из них ещё помнил. Каждый видел. Каждый знал.

А потом они считали за великое благо саму жизнь. Им уже было все равно, что это была за жизнь. Они знали, жизнь это всё. Жизнь простирается прекрасной шёлковой дланью на всё, прекраснее самых роскошных тканей, покрывает собою все смыслы.

Все речи и каждый вдох воспевают жизнь.

Поэтому они верили. Пережившие ужас верили.

Белые маги вывели их из лесов, вывели из болот, из топкой трясины вывалившихся наружу внутренностей и обломков костей, из мерзкой мякоти войны.

Разве может теперь кто-то бросить вызов? Разве может теперь кто-то жаловаться? Разве может кто-то презреть жизнь...

Может.

И город был полон таких людей.

Таких людей, которые вынеся весь кошмар не сомкнули ни разу глаза и всегда говорили себе, что они люди, до конца, шептали себе, что они люди, что никогда не станут животными. Шептали, засыпая, как ненавидят серокожих тварей, как ненавидят своих правителей, что бросили их в городах, сбежав с прислугой, как ненавидели воинов, что ушли на север, как ненавидели магов, чей голос смолк во тьме, накрывшей кварталы.

Они молили, но никто не услышал, они кричали, и никто не ответил. Они прокляли и голос надежды смолк, чтобы проснулся голос ненависти, и ярость огненным семенем упала в их сердца, а теперь, когда годы прошли, расцветет своими алыми цветами в их душах.

Люди разные. И род их переливается всеми оттенками характера. И яростный твердый дух был среди этих оттенков.

Но немного их...

Война закалила всех. Но лишь из некоторых выковала великолепные клинки, каковым предстоит поразить все пороки перегнувшего народа, собранного, смешанного из беженцев со всех земель.

Люди духа медленно прорастали в этом народе.

Были они и среди белых магов, каковые все были сильными, но лишь немногие сохранили честь и достоинство прежнего мира. Все говорили о магическом будущем и новом народе, но лишь немногие уверовали истинно.

И люди духа среди них разочаровались. Горько было им, и не пожелали они глотать эту реальность, не захотели смириться, не захотели терпеть, притворяться, пресмыкаться, стануться рабами желаний своих. Эти люди духа скрылись в тени огромных зиккуратов и вновь шепот их ткал паутину заговора.

Собираясь небольшими группами на перекрестках, ведя тихие разговоры в комнатах, они зашивали ткань своего единства, пока ещё тонкую и прозрачную, но в будущем крепкую, словно сталь, закалённая магией.

Время шло.

Город рос.

Пробуждались одна за другой крепости выживших.

Началась торговля. Рыцари вышли в степи, чтобы оберегать караваны, связи и общение вновь расцвели.

Так мир проснулся, стряхнув с себя прах великой гибели.

Первые кружки недовольных философией Белого города сформировались из самих белых магов. Они собирались в зиккуратах и обсуждали проблемы, выражали своё недовольство застоєм, наметившимся в системе управления городом, они все больше видели, что Белый город был обычной столицей, какие правила областями континента до войны с чудовищами, что народ этот есть толпа людей, хоть и переживших ужасное, но оставшихся все теми же людьми. И маги зароптали, а потом и гнев начал медленно закипать в их умах.

Среди выживших в крепостях также были маги. Они ездили в город и общались с белыми магами, со всеми теми, кто не занимал ведущих должностей, но был активно вовлечен в управление столицей, все те, на ком и держалось это управление. Рядовые судьи, сборщики налогов, те, кто занимались описью имущества и распределением людей по категориям, дипломаты, помощники тех, кто заседал в совете и все прочие должности. Среди этих магов было много тех, кто был недоволен судьбой чиновников, был недоволен тем, что их не слышат, что суровые законы угнетают людей и уподобляют их рабам, что крестьяне, работающие на террасах в тени зиккуратов, уже являются рабами и быт их ужасен. Маги общались между собой, мнение о том, что город был всего лишь новой столицей крепчал и распространялось. Не все белые маги были обеспокоены этим, но многие стали презирать Совет. И наконец они связались с теми, кто в нем заседал. Тогда заговор стал обретать свою утонченную и хрупкую силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.